

107
7-89

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Семипалатинской мужской гимназии

№ ХРОНОЛОГИЧ. ИНВЕНТ.

№ СИСТЕМАТИЧ КАТАЛОГА

МѢСТО КНИГИ:

Шкафъ	
Полка	
Мѣсто на полкѣ	

190. ~~24420~~
F-89 N 11812
интереса

Процесс

11812

Дружеский
каталог

1911
П-73

Общедоступная философия

ВЪ ИЗЛОЖЕНИИ

АРКАДІЯ ПРЕССА

№ 2900 1884

ГРОЦІЙ.

ШКОЛА II-го ступеня

Получено 19

№ 15 коп.

И М Е Н И

О ПРАВЪ ВОЙНЫ И МИРА.

86

ЦѢНА 40 КОП.

С.-Петербургъ

Издание Л. Л. Сойкина

Книжный Складъ
Стремянная, 12

Книжный Магазинъ
Невскій, 96

5034
ор
+

Проверено

Л

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 30 СЕНТЯБРЯ 1902 Г.

ТИПОГРАФИЯ П. П. СОЙКИНА, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Проверено

ГРОЦІЙ.

Гуго Гроотъ, извѣстный подъ именемъ Гроція (Grotius), родился 10 апрѣля 1583 г. въ голландскомъ городѣ Дельфтѣ, гдѣ отецъ его, Янъ Гроотъ, былъ бургомистромъ. Гуго Гроцій уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаружилъ такія умственныя способности, что одинъ ученый того времени (Daniel Heinsius) писалъ про него: «Люди становятся людьми постепенно, Гроцій родился уже человѣкомъ». Восьми лѣтъ онъ сочинялъ латинскіе стихи, пятнадцати выдержалъ экзамень по философіи, математикѣ и юриспруденціи. Онъ учился у знаменитаго Юсифа Скалигера. Черезъ два года онъ уже велъ на судѣ свое первое дѣло. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ былъ назначенъ историографомъ Соединенныхъ Провинцій и генеральнымъ адвокатомъ казны Голландіи и Зеландіи. Тѣсно связанный съ семьєю Барневельда, которому принадлежала власть, Гроцій былъ избранъ «пенсіонаріемъ» города Роттердама, на мѣсто умершаго брата Барневельда. Но вскорѣ, въ 1618 г., въ политическихъ смутахъ двухъ партій, извѣстныхъ подъ именемъ послѣдователей

Гомара и Арминія, Барневельдъ палъ. Онъ былъ казненъ, сказавъ предъ смертью: «Я умираю за свободу и права родины!»—Гуго Гроція присудили къ пожизненному заточенію въ крѣпости Лувенштейнъ. Тамъ просидѣлъ онъ 18 мѣсяцевъ и былъ освобожденъ, благодаря безстрашію и преданности своей жены, урожденной Маріи Рейгесбергъ. Она вынесла его изъ тюрьмы въ ящикѣ отъ книгъ, и сама осталась на его мѣстѣ. Правительство вскорѣ ее выпустило на свободу. Гроцій бѣжалъ во Францію, гдѣ Людовикъ XIII его очень ласково принялъ и назначилъ ему даже пенсію въ 3000 франковъ. По приглашенію нѣкоторыхъ друзей, онъ поселился въ имѣніи около Санлиса и предался вполнѣ научнымъ занятіямъ. Но онъ не долго жилъ тамъ въ покоѣ. Его положеніе во Франціи вскорѣ измѣнилось. Ришелье не любилъ Гроція, пенсія выплачивалась ему неаккуратно, французскіе протестанты были тоже имъ недовольны. Гроцій, одинъ изъ главарей протестантизма, сталъ видимо склоняться къ католичеству. Людовикъ XIII тоже его забылъ. Когда въ 1625 году Гроцій поднесъ ему свою новую книгу «О правѣ войны и мира», король, любившій науки, даже не сказалъ ему спасибо. Гроцій поѣхалъ тогда въ Голландію хлопотать о возстановленіи своихъ правъ. Друзья его встрѣтили радушно, правительство его не тронуло (людей, изгнавшихъ его, уже не было), ему возвратили даже конфискованныя имущества, но полного оправданія онъ не могъ добиться. Онъ предпочелъ на сей разъ удалиться въ Германію.

Тамъ, въ Гамбургѣ застало его приглашеніе шведскаго министра Оксеншерна принять постъ посланника Швеціи при французскомъ дворѣ. Въ то время Швеціи надо было заключить союзъ съ Франціей, и Густавъ Адольфъ, герой Тридцатилѣтней войны, большой поклонникъ Гроція, указалъ на него своему министру. Гуго Гроцій въ 1535 году, несмотря на протесты французскаго правительства, пріѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ шведскаго посла. Жизнь Гроція здѣсь, несмотря на почетъ и богатство, не была все-таки счастлива. Онъ занимался богословіемъ, а интересы Швеціи не подвигались впередъ. Оксеншерна самъ долженъ былъ пріѣхать во Францію, и Гроцій былъ отозванъ въ Швецію. Онъ прожилъ нѣкоторое время въ Стокгольмѣ при дворѣ королевы Христины, окруженный вниманіемъ королевы и ненавистью придворныхъ. Сохранилось письмо королевы къ вдовѣ Гроція отъ 1648 г., полное уваженія къ памяти философа. Въ 1645 г. онъ просилъ отставки. Онъ усталъ отъ своей бурной политической жизни. Его тянуло на родину. По дорогѣ въ Голландію корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе у береговъ Помераніи и 28 августа 1645 г. въ деревушкѣ около Ростока Гроцій умеръ отъ упадка силъ вдали отъ друзей и семьи.

Сочиненія Гроція могутъ быть раздѣлены на пять родовъ: 1) *Богословскія*—De veritate religionis christianae, Defensio fidei catholicae, Via ad pacem ecclesiasticam и т. п. Такихъ произведеній большинство. 2) *Историческія*—De antiquitate

rei publicae batavicae, Historia Gothorum, Vandalarum et Longobardorum, Annales et historiae de rebus belgicis. Къ этому роду сочиненій надо отнести двѣ книги «О происхожденіи американскихъ племенъ». 3) *Юридическія*—*Florum sparsio in ius Justinianicum*. 4) *Политическія*—*Mare liberum*—О свободномъ морѣ и «О правѣ войны и мира». 5) *Филологическія*—«Мнѣнія древнихъ философовъ о судьбѣ», «Выдержки изъ греческихъ трагедій и комедій» и др. Кромѣ того Гроціи перевелъ на латинскій языкъ съ греческаго трагедію Эврипида «Phenissae». Въ 1687 г. были изданы въ Амстердамѣ письма Гроція. Всѣ его произведенія написаны по-латыни. Языкъ его сравниваютъ съ Тацитомъ.

Значеніе Гроція въ исторіи философіи громадно. Школа, на которой были воспитаны Гроціи и его время, извѣстна подъ именемъ схоластики. Она относилась съ недовѣріемъ къ человѣческому разуму. Разумъ данъ Богомъ отъ природы, а человѣческая природа, благодаря первородному грѣху, порочна въ своей основѣ. Поэтому одного разума мало. Нуженъ авторитетъ чей-нибудь или Откровеніе. Отсюда поклоненіе предъ Аристотелемъ и Церковью, безконечное обиліе комментариевъ, утомительная паутина схоластической мысли. Гроціи первый отвергъ авторитеты Аристотеля и церковныхъ писателей. Онъ построилъ свою теорію права на чистомъ разумѣ. И знаменитая книга его очень скоро стала основой науки правовѣдѣнія. Его изучали въ университетахъ и цитировали на ряду съ классиками древности.

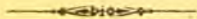
Гроція должно считать основателемъ «раціонализма» на ряду съ Декартомъ. Книга Гроція вышла на два года раньше «Discours'a» Декарта.

Какъ политическій мыслитель, Гроцій первый заговорилъ о правѣ и справедливости, объ Естественномъ Правѣ въ отношеніяхъ народовъ между собою. Онъ показалъ, что сила и хитрость не могутъ составить всей сущности жизни правительствъ, другими словами, что принципы, которыми жилъ вѣкъ Макиавелли и его послѣдователей, односторонни. Жизнь требовала новыхъ началъ, и эти начала права высказалъ людямъ Гроцій. Онъ говорилъ о справедливости во времена Ришельё, во времена деспотизма и произвола.

Бурная и, можно сказать, скитальческая жизнь Гроція вполне показала, что философъ былъ выше своего вѣка. Онъ нигдѣ не могъ ужиться. Людямъ, привыкшимъ къ насилію, не нуженъ былъ проповѣдникъ справедливости.

Но Гроцій при всѣхъ обстоятельствахъ жизни остался вѣрнымъ себѣ и своему разуму.

А. П.

О ПРАВѢ ВОЙНЫ И МИРА.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Людовику XIII, христіаннѣйшему королю Франковъ
и Наварры Гуго Гроцій *)*

Книга эта написана въ
виду справедливости.
Hic liber... pro iustitia
scriptus.

Grotius.

Я осмѣливаюсь начертать на заголовкѣ этой книги ваше августѣйшее имя, о, самый выдающійся изъ королей: Я дѣлаю это не изъ тщеславія, не изъ самоувѣренности, а благодаря содержанию книги. Она написана въ виду справедливости. Эта добродѣтель настолько собственна вамъ, что, благодаря вашимъ заслугамъ, по признанію человѣческаго рода, вы получили прозвище, достойное великаго короля. Всюду вы извѣстны подъ именемъ Справедливаго, не менѣе, чѣмъ подъ именемъ Людовика. Титулы, заимствованные изъ Крита, Нумидіи, Африки и Азій,

*) Hugonis Grotii—«De iure belli ac pacis».—Первое изданіе 1625 г. Посвященіе—«Ludovico XIII christianissimo Francorum et Navarrae Regi».

такъ же, какъ отъ разныхъ побѣжденныхъ римлянами народовъ, казались прекрасными римскимъ полководцамъ. Но ваше имя знаменитѣе всѣхъ, потому что оно представляетъ васъ всюду врагомъ и побѣдителемъ не отдѣльнаго народа или человѣка, а всякой несправедливости. Цари Египта считали себя великими за то, что они любили отца, мать или братьевъ. Въ вашемъ имени это— только самыя незамѣтныя стороны. Оно совмѣщаетъ въ себѣ не только эти качества, но все, что можно только представить себѣ прекраснаго и доблестнаго. Вы справедливы, когда чествуете память вашего отца, который былъ по истинѣ великъ. Вы справедливы, когда даете широкое образованіе вашему брату, хотя для него не можетъ быть лучшаго образованія, нежели вашъ примѣръ. Вы справедливы, когда озаряете вашихъ сестеръ свѣтомъ блестящихъ браковъ. Вы справедливы, когда возрождаете къ жизни забытые законы и одни, въ предѣлахъ вашей власти, идете противъ своего вѣка, стремящагося къ гибели! Вы справедливы и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительны. Вы не лишаете ничего гражданъ, которыхъ забвеніе вашей доброты заставило отклониться отъ пути долга. Вы не имѣете никакого насилія совѣсти людей, которые мыслятъ иначе, чѣмъ вы, въ вопросахъ религии. Вы справедливы и въ то же время милостивы, прекращая вашей властью страданія угнетенныхъ народовъ, сверженныхъ правителей. Вы умѣряете силу счастія. Ваша милость, напоминающая милость Бога, насколько, конечно, допускаетъ то человѣ-

ческая природа, заставляет и меня, от моего лично имени, принести вамъ благодарность въ этомъ посвященіи. Подобно тому, какъ небесныя свѣтила озаряють не только громадныя пространства вселенной, но вліяють въ отдаленности на каждое изъ живыхъ существъ, такъ и вы, благотворная звѣзда земли, не только подымаете царей и народы, но также пожелали принести помощь и утѣшеніе и мнѣ, обиженному на моей родинѣ. Чтобъ дополнить картину всѣхъ вашихъ добродѣтелей, заключающихся въ понятіи справедливости, надо прибавить къ дѣяніямъ вашей общественной жизни невинность и чистоту вашей жизни частной, достойной удивленія не только людей, но и небесныхъ духовъ. Ибо, какъ мало людей, живущихъ въ народѣ или даже ушедшихъ отъ міра, защищены, какъ вы, отъ всякихъ ошибокъ! Между тѣмъ, ваше положеніе таково, что васъ со всѣхъ сторонъ окружають безчисленные соблазны! Какова же должна быть высота вашего духа, чтобъ среди занятій, толпы и придворныхъ, среди столькихъ людей, постоянно впадающихъ въ ошибки, достигнуть такого совершенства, которое дается только въ уединеніи и то не многимъ? Заслужить еще въ этой жизни не только имя Справедливаго, но и Святого, какъ были названы благочестивыми людьми ваши предки, Великій Карлъ и Людовикъ послѣ смерти, это значитъ быть христіаннѣйшимъ королемъ кромѣ наслѣдственнаго титула еще по исключительно вамъ принадлежащему праву. Ни одна черта справедливости вамъ не чужда. Та

же, которая касается предмета этой книги, т. е. вопросовъ мира и войны, особенно присуца вамъ, поскольку вы король, и король франковъ. Велико ваше королевство! Оно раскинулось отъ одного моря до другого по обширнымъ и цвѣтущимъ странамъ. Но у васъ есть сила, еще большая, чѣмъ ваше царство. Вы не стремитесь захватить чужія страны! Вполнѣ достойно вашего благочестія и вашей высокой доли, что вы не посягаете оружіемъ ни на чье право, не нарушаете старинныхъ границъ, но въ самой войнѣ заботитесь о мирѣ и не враждуете ни съ кѣмъ безъ желанія скорѣе покончить вражду. Какъ славно и прекрасно, какъ пріятно будетъ вашей совѣсти сказать Всевышнему въ тотъ день, когда Онъ призоветъ васъ въ Свое Царство, единственно высшее вашему: «Вотъ мечъ, который я получилъ отъ тебя на защиту справедливости! Я возвращаю его чистымъ, не обогреннымъ ни единой каплей невинной крови, пролитой по произволу!» Такимъ образомъ современемъ будутъ видѣты въ вашихъ поступкахъ образцы прекраснаго, какъ теперь мы ихъ черпаемъ изъ книгъ, и по нимъ извлекать правила жизни. Это будетъ самымъ великимъ изъ вашихъ дѣяній. Однако, христіанскіе народы осмѣливаются ожидать отъ васъ еще большаго. Они ожидаютъ, что вы всюду заставите опустить оружіе и миръ, благодаря вамъ, воцарится не только среди государствъ, но и среди церквей—и нашъ вѣкъ научится подчиняться дисциплинѣ этой эпохи (?) съ искренней и правдивой вѣрой, признаваемой нами христіан-

скою. Мы измучены распрями. Наша душа стремится къ такой надеждѣ, поддерживаемой новой дружбой, заключенной недавно между вами и королемъ Великобритани, мудрымъ королемъ и ревнителемъ этого священнаго мира. Дружба ваша закрѣплена бракомъ вашей сестры. Предпріятіе мира нелегкое. Съ обѣихъ сторонъ постоянно разгораются страсти и съ каждымъ днемъ превращаются въ ненависть. Но великихъ царей достойно именно то, что не легко, то, что можетъ привести въ отчаяніе обыкновенныхъ смертныхъ. Пусть Богъ мира, Богъ справедливости благословитъ ваше величество, дастъ вамъ блага и покроетъ васъ, король справедливый, своею славой!

1625 г.

PROLEGOMENA

(О справедливости).

Говорятъ, нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, что полезно королямъ и правящимъ государствамъ. Справедливость зависитъ поэтому отъ силы.

Но люди болѣе глубокіе утверждаютъ, что право противорѣчить оружію.

Споры, возникающіе между народами и королями, разрѣшаются всегда Марсомъ, богомъ войны. Часто приходится слышать противопоставленіе права и оружія. Поэтъ Эниій сказалъ: «Люди воюютъ не на почвѣ законовъ, а скорѣе мечемъ добываютъ свою собственность». Горацій описы-

ваетъ нравъ Ахилла слѣдующими словами: «Онъ не признаетъ, чтобы законы были созданы для него, а во всемъ полагается на свой мечъ». Другой поэтъ влагаетъ въ уста одного завоевателя такія рѣчи: «Я оставляю теперь въ сторонѣ миръ и нарушенные законы» (Луканъ). Старикъ Антигонъ высмѣялъ одного субъекта, принесшаго ему трактатъ о справедливости въ то время, какъ онъ осаждалъ чужой городъ. Марій говорилъ что стукъ мечей заглушаетъ голосъ законовъ, а Помпей сказалъ: «Когда я вооруженъ, развѣ могу я думать о законахъ!» На этомъ основаніи, по словамъ Сенеки, нельзя быть въ одно время справедливымъ человѣкомъ и хорошимъ полководцемъ. У христіанскихъ писателей, какъ, напр., Тертуллианъ и другіе, можно найти то-же мнѣніе.

Риторъ Карнеадъ (одинъ изъ трехъ грековъ, прибывшихъ въ Римъ въ 604 году) училъ, что законы людей измѣняются въ зависимости отъ интересовъ людей, ихъ нравовъ и времени. Естественнаго-же права вовсе не существуетъ, а люди, какъ и животныя, влекомы къ тому, что имъ выгодно и полезно. Поэтому справедливости или совѣсть не существуетъ, или она верхъ безумія, такъ какъ вредитъ личному интересу.

Все это совершенно ложно.

Человѣкъ—животное высшаго порядка. Свойство его—жить вмѣстѣ съ себѣ подобными—въ силу необходимости сообщества, стремленія къ общежитію (*appetitus societatis*) мирному, разумному, что стойки называли «οἰκείωσις»—«*état domestique*».

Животныя тоже умѣряють до извѣстной степени свои эгонистическіе инстинкты на пользу своего потомства или другихъ животныхъ того же вида.

Старинная поговорка гласитъ: «Собака не ѣстъ мяса собаки». Ювеналь говоритъ: «Свирѣпый тигръ живетъ въ мирѣ съ другимъ тигромъ, и хищный звѣрь не трогаетъ себѣ подобнаго».

У Филона мы находимъ слѣдующія прекрасныя слова:

«Люди! Подражайте по крайней мѣрѣ безсловеснымъ животнымъ! Они умѣють отвѣчать благодарностью на благодѣянія, оказанныя имъ. Собака оберегаетъ домъ и умираетъ даже иногда, когда ея господинъ подвергается опасности. Говорятъ, овчарки бѣгутъ передъ стадомъ и бьются до смерти, чтобъ защитить добро своихъ хозяевъ. Развѣ можетъ быть что-либо постыднѣе того, какъ человѣку быть побѣжденнымъ въ благодарности собакой! Если примѣръ животныхъ, населяющихъ землю, недостаточно для насъ убѣдительно, обратимся къ птицамъ, летающимъ въ пространствѣ. Онѣ научатъ насъ нашему долгу. Журавли, которые отъ старости не могутъ болѣе подняться на воздухъ, остаются въ гнѣздѣ, и молодые, ихъ дѣти, летаютъ за нихъ, такъ сказать, по всѣмъ морямъ и странамъ, чтобъ доставить имъ пропитаніе. Старики, въ уваженіе ихъ возраста, пользуются покоемъ, изобиліемъ всего, даже удовольствіями; молодые-же утѣшаются отъ тягостей путешествій чувствомъ удовлетворенія отъ исполненнаго долга благочестія и на-

деждой на подобное-же отношеніе къ нимъ ихъ потомства, когда они сами въ свою очередь слѣлаются старыми. Такимъ образомъ каждая изъ этихъ птицъ возвращаетъ въ свое время то, что получила. Нѣтъ другого животнаго, которое кормило-бы своихъ маленькихъ, когда они рождаются, и своихъ стариковъ, приближающихся къ смерти. Поэтому несомнѣнно сама природа научила ихъ кормить въ старости тѣхъ, кто ихъ кормилъ, когда они были еще совсѣмъ малы. Тѣ, кто не заботятся о своихъ родителяхъ и пренебрегаютъ своими сыновними обязанностями, должны сгорѣть отъ стыда. слыша про журавлей! По истинѣ, дѣтямъ, въ сущности, ничего не принадлежитъ. Все, что они имѣютъ, или получено ими прямо изъ рукъ родителей, или благодаря тому, что родители дали дѣтямъ средства къ приобрѣтенію».

О томъ, какъ голуби заботятся о своихъ птенцахъ, разсказано у Порфирія, о рыбахъ-же мы читаемъ у Кассіодора.

Что касается человѣка, мы видимъ въ дѣтяхъ до всякаго воспитанія нѣкоторую благосклонность другъ къ другу.

Въ общемъ въ человѣкѣ преобладаетъ склонность къ общественной жизни и специальное орудіе къ этому есть даръ слова. «Человѣкъ,—говоритъ Маркъ-Антонинъ,—рожденъ, чтобы дѣлать добро ближнему».

«Скорѣе можно найти тѣло, не притягиваемое къ центру земли, чѣмъ человѣка, отдѣленнаго отъ человѣческаго рода. Все, что обладаетъ разумомъ, стремится къ общежитію».

Чувство благодарности,—говорить Сенека,—должно быть почитаемо само по себѣ, потому что ничто такъ не портить и не разрушаетъ общенія человѣческаго рода, какъ порокъ неблагодарности. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего зависитъ наша безопасность, какъ не отъ взаимныхъ услугъ, которыя мы оказываемъ другъ другу? Онѣ дѣлаютъ жизнь удобной и защищаютъ отъ неожиданныхъ нападеній. Разобщите насъ и что мы тогда изъ себя представляемъ? Добычу хищныхъ звѣрей, ничего не значущую и легко проливаемую кровь! Другія животныя имѣютъ достаточно силъ для защиты себя. Всѣ, рождающіяся для вольной и разобщенной жизни, хорошо вооружены. Слабость же—удѣлъ человѣка. Ни его зубы, ни его ногти не страшны никому. Природа дала ему двѣ вещи, которыя изъ слабѣйшаго превратили его въ самага сильнаго на землѣ: разумъ и склонность къ общежитію. Такимъ образомъ, тотъ, кто въ отдѣльности не могъ-бы никому противиться, становится господиномъ всего. Жизнь въ обществѣ создала его власть надъ всѣми животными. Въ ней—его естественная сила на землѣ. Онъ властвуетъ надъ стихіями, онъ управляетъ даже моремъ. Эта власть останавливаетъ губительный потокъ болѣзней, заботится о защитѣ безпомощной старости, даетъ утѣшенія въ страданіи; эта власть дѣлаетъ насъ мужественными, позволяя намъ бороться съ судьбою. Уничтожьте ее, и вы разобьете единство человѣческаго рода, единство, поддерживающее жизнь. А уничтожить ее не трудно—стоитъ только не избѣгать неблагодарности».

Стремленіе къ общежитію есть источникъ естественнаго права въ собственномъ смыслѣ (Haec vero societatis custodia fons est eius iuris, quod proprie tali nomine appellatur). Оно состоитъ въ томъ, чтобы:

- 1) воздерживаться отъ чужого,
- 2) возвращать принадлежащее другимъ,
- 3) исполнять обѣщанія, договоры,
- 4) вознаграждать за вредъ и убытки,
- 5) наказывать заслужившихъ наказаніе.

Человѣкъ имѣетъ преимущество надъ другими животными не только въ стремленіи къ общежитію, но еще въ способности судить о полезномъ и вредномъ и предвидѣть будущее. Человѣку поэтому надо искать того, что подсказываетъ ему здравый разумъ, не затемненный ни страхомъ, ни соблазномъ ближайшихъ наслажденій, ни произвольной страстностью (temerari impetu).

Что не противорѣчитъ такому сужденію, не противорѣчитъ и естественному праву, т. е. природѣ человѣка.

Сюда относится разумная экономія въ распредѣленіи благъ, предпочитающая то мудраго предъ глупымъ, то родственника предъ чужимъ, то бѣднаго предъ богатымъ.

Естественное право въ тѣсномъ смыслѣ не требуетъ никакой положительной дѣятельности, а исчерпывается только тѣмъ, что оставляетъ другимъ имъ принадлежащее.

Все это вѣрно, хотя-бы мы предположили, что нѣтъ Бога, или Онъ не заботится о человѣ-

№ 11812

Областная
библиотека им. ГОГОЛЯ
Фундаментальное
отделение

ческих дѣлахъ. Но существованіе Бога доказывается нашимъ разумомъ, преданіемъ, чудесами.

Такимъ образомъ, первый источникъ права есть природа.

Кромѣ природы, есть еще источникъ права— свободная воля Бога. Ей разумъ нашъ повелѣваетъ подчиняться безпрекословно. «Кто поступаетъ несправедливо — поступаетъ нечестиво», — говоритъ Маркъ-Антонинъ.

Источникъ права — въ Юпитерѣ, говорили древніе. И слово «*ius*» (право), видно, происходитъ отъ слова «*Jupiter*».

Священная исторія поощряетъ склонность людей къ общежитію и говоритъ, что всѣ люди родились отъ однихъ прародителей.

Флорентинъ говоритъ: «Природа установила между нами родство и подставляетъ ногу своему ближнему есть преступленіе для человѣка».

Исполнять свои обѣщанія есть велѣніе Естественнаго Права. Поэтому люди должны имѣть какой-нибудь способъ обязываться. Отсюда вытекаетъ *гражданское право* (*ius civile*). Тѣ, кто, соединившись въ общество, договорились подчиниться кому-нибудь, тѣмъ самымъ обѣщались, обязались и должны сдержать свое обѣщаніе.

Они должны слушать большинство членовъ общества или тѣхъ, кому передана власть.

Мнѣніе Карнеада, что: «польза есть мать справедливости и равенства» — не вѣрно. Мать естественнаго права есть природа, а мать гражданскаго права — обязательство по взаимному согла-

шенію. Такимъ образомъ, природа — бабушка гражданскаго права.

Создатель природы желалъ, чтобы каждый изъ насъ въ отдѣльности былъ слабъ и испытывалъ недостатокъ во всемъ. Это нужно для того, чтобы мы тѣмъ сильнѣе стремились къ общежитію. Что касается пользы, то она — только случайная причина права гражданскаго, потому что это право возникаетъ только въ обществѣ, а общество или подчиненіе всѣхъ какой-либо власти образуется въ виду какой-нибудь выгоды и пользы. Законодатели имѣютъ обыкновенно въ виду пользу или должны ее имѣть.

Нѣкоторые законы являются изъ соглашенія государствъ между собою, это *ius gentium*. Народъ, ограничивающій свои интересы изъ-за интересовъ и общихъ правъ націи, не можетъ, однако, считаться безумнымъ.

Карнеадъ напрасно называетъ справедливость безуміемъ.

Не безумень гражданинъ, который въ своей странѣ согласуетъ свои поступки съ законами государства, хотя уваженіе къ этимъ законамъ лишило-бы его нѣкоторыхъ выгодъ.

Не безумень также народъ, который изъ-за своихъ частныхъ интересовъ не пренебрегаетъ правами, общими всѣмъ націямъ.

Причина въ обоихъ случаяхъ одна. Гражданинъ, нарушающій право государства въ виду своей личной пользы, разрушаетъ зерно, въ которомъ заключаются его будущіе интересы и интересы его потомства. Народъ, нарушающій есте-

ственное право и право народовъ (ius gentium), уничтожатъ тоже на всегда стѣны, воздвигнутыя для его спокойствія.

Но и помимо этого, идти по тому пути, какой указываетъ намъ природа, будетъ всегда признакомъ мудрости, а не безумія.

Законы, говорятъ, выдуманы изъ боязни несправедливости.

Люди такимъ образомъ принуждаются, такъ сказать, силою къ справедливости.

Люди слабые, не желая быть поработанными сильными, согласились между собою устроить общими силами суды, чтобъ вмѣстѣ противопоставить сильнымъ еще большую силу. Съ этой точки зрѣнія право есть дѣйствительно воля болѣе сильнаго, другими словами—право не имѣетъ своего внѣшняго проявленія, если за нимъ нѣтъ силы.

Однако, надо признать, что *право и безъ силы не лишено всякаго дѣйствія.*

Справедливость даетъ покой совѣсти, а не справедливость—угрызения, въ родѣ тѣхъ, что Платонъ приписываетъ тиранамъ.

Люди хорошіе все одобряютъ справедливость и порицаютъ несправедливость.

Еще важнѣе то, что Богъ является покровителемъ справедливости и врагомъ несправедливости.

Людямъ необходима взаимная помощь. Государства заключаютъ между собою союзы, договоры, которые были-бы невозможны, еслибъ справедливость замкнуть въ предѣлы одного государства.

Имя Миноса ненавистно въ исторіи потому, что онъ думалъ, что надо быть справедливымъ только въ предѣлахъ своего государства.

Плутархъ рассказываетъ, что лакедемоняне тоже заботились только объ увеличеніи Спарты. Они считали честнымъ только то, что полезно ихъ государству. Фукидидъ говоритъ: «Они были очень справедливы другъ къ другу, но не къ чужестранцамъ. Въ сущности они считали честнымъ то, что имъ было пріятно, и справедливымъ—то, что имъ было полезно».

Внѣ права нѣтъ ничего прочнаго.

Никакое общество немыслимо безъ права.

Аристотель говоритъ, что даже разбойники какъ-нибудь управляются.

Помпей сказалъ, что счастливо государство, гдѣ царитъ справедливость.

Если-бы всѣ люди были справедливы, не нужно было-бы военной храбрости. Не было-бы друзей македонянъ или римлянъ, а были-бы друзья человечества. Маркъ-Антонинъ говорилъ, что его отечество, какъ Антонина—Римъ, какъ чловѣка—весь міръ.

Поэтому не слѣдуетъ предполагать, что на войнѣ прекращаются всѣ права.

Сама война должна быть предпринимаема только въ виду справедливости, а когда ужъ она возгорѣлась, вести ее должно только въ предѣлахъ права и добросовѣстно (*bona fide*).

Войну нужно вести противъ тѣхъ, на кого не дѣйствуетъ право. Но чтобы война была справедлива, надо вносить въ нее не меньше благоче-

стія, чѣмъ обыкновенно вносятъ въ распредѣленіе справедливости.

При стукѣ оружія дѣйствительно молчатъ законы, но только гражданскіе—они созданы для міра,—но не молчатъ законы естественные, вѣчные.

Историки всегда показываютъ, какое значеніе имѣетъ въ войнѣ сознаніе правоты. Отсюда происходитъ поговорка: «силы солдата увеличены или уменьшены въ зависимости отъ причины войны».

Справедливость войны важна также для заключенія союзовъ. Никто не станетъ вступать въ союзъ съ тѣми, которые нисколько не заботятся ни о правѣ, ни о справедливости, ни о добросовѣстности.

Многіе запрещаютъ христіанину всякую войну.

Они говорятъ, что христіанинъ долженъ главнымъ образомъ любить всѣхъ людей.

Этого мнѣнія держатся, между прочимъ, Jean Ferus и нашъ Эразмъ—большіе любители духовнаго и свѣтскаго міра. Но они говорятъ это, повидимому, для того, чтобъ сдвой крайностью ослабить другую.

Что касается меня, то я убѣжденъ въ существованіи права, общаго всѣмъ народамъ, и много причинъ побудило меня писать на эту тему. Я видѣлъ въ христіанскомъ мірѣ такой развратъ войны, который заставилъ-бы краснѣть даже варварскія націи. Люди хватались за оружіе по самымъ ничтожнымъ поводамъ или даже безъ всякой причины. Когда-же оружіе было уже у нихъ въ

рукахъ, они презирали всякое право и божеское, и человѣческое. Казалось, бѣшенство овладѣвало ими и они въ силу какого-то общаго закона выходили свободно на путь всѣхъ преступленій.

Своимъ знаніемъ права я желалъ-бы быть полезнымъ людямъ.

Содержаніе моего сочиненія слѣдующее:

Въ первой книгѣ я разсмотрю, существуетъ-ли справедливая война.

Во второй—причины возникновенія войнъ.

Въ третьей—что позволено на войнѣ.

При составленіи этого сочиненія я пользовался многими книгами теологовъ и ученыхъ — Francisco Victoria (испанецъ въ Саламанкѣ 1480). Henri de Gorckum (голландецъ) написалъ «De bello iusto».—Guillaume Mattheus (неизвѣстенъ) Jean Lupus (Сеговія). Его соч. «De bello et Bellatoribus». Arius (De bello et eius iustitia). Jean de Lignano (Болонья «De bello»). Martinus Laudensis (французъ—de bello); Фаберъ (Тулуза—историкъ, ученикъ Куяція), Balthazar Ayala (1548—1584), Alberico Gentili (итальянецъ, профессоръ въ Оксфордѣ, написалъ «De iure belli» 1584 г.).

Изъ философовъ большее мѣсто я удѣлилъ Аристотелю, но его авторитетъ для меня не есть тиранія. Я слѣдую ему съ той свободой, съ какой онъ самъ относился къ своимъ учителямъ. Я имѣю въ виду только истину.

Кромѣ Аристотеля, я пользовался еще книгами людей, вдохновленныхъ Богомъ и Ветхимъ Завѣтомъ. Новый Завѣтъ нисколько не отмѣняетъ Ветхаго. И старинные христіанскіе писа-

тели всѣ пользовались Ветхимъ Завѣтомъ. Я въ данномъ случаѣ подражаю имъ.

Далѣе у меня предъ глазами были Новый Завѣтъ, постановленія Соборовъ и сочиненія схоластиковъ.

Схоластики жили въ несчастное и невѣжественное время и потому на нихъ надо смотрѣть снисходительно. Тѣмъ не менѣе, когда они согласны всѣ въ какомъ-нибудь вопросѣ нравственности, они рѣдко ошибаются. У нихъ была большая проницательность при разсмотрѣннн чужихъ взглядовъ.

Наконецъ, я изучилъ еще произведенія всѣхъ юрисконсультовъ, занимавшихся римскимъ правомъ.

Я ничего не имѣю противъ того, чтобы ко мнѣ отнеслись съ той-же свободой, съ какою я отнесся къ мнѣнιάмъ и книгамъ другихъ. Я даже прошу объ этомъ всякаго, въ чьи руки попадетъ мое сочиненіе. Я буду благодаренъ всякому, кто найдетъ какую-либо ошибку у меня, тѣмъ болѣе, что я съ удовольствіемъ ее исправлю.

А теперъ, если я что-нибудь сказалъ противное благочестію, добрымъ нравамъ, Священному Писанію, христіанской Церкви и всякой иной истинѣ, такое слово пусть сочтутъ не произнесеннымъ мною *).

*) Ср. эти «Prolegomena» съ «Исповѣдью савоярдскаго священника» въ Эмилѣ Руссо. А. П.

Книга первая.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Что такое война? Что такое право?

Цицеронъ опредѣляетъ войну слѣдующими словами: «Война—это споръ, разрѣшаемый насиліемъ».

(Cicero dixit, bellum certationem per vim).

Слово «bellum» (война) происходитъ отъ слова «duellum» «duobus» (два), такъ-же, какъ отъ «duonus» образовалось «bonus» и отъ «duis»—«bis».

Но обычное опредѣленіе подразумѣваетъ подъ словомъ «война» не дѣйствіе, а состояніе. Такимъ образомъ, война есть состояніе отдѣльныхъ людей, которые силой разрѣшаютъ свои споры.

Всякая война обозначается словомъ «bellum».

Слово «право» въ примѣненіи къ войнѣ есть только то, что справедливо, и оно имѣетъ скорѣе отрицательное значеніе, чѣмъ положительное, т. е. право войны обозначаетъ только то, что не есть несправедливость, что не противорѣчитъ законамъ общества разумныхъ существъ.

Право бываетъ правомъ превосходства и правомъ равнаго къ равному въ зависимости отъ

того, изъ какихъ членовъ составлено общество. Общество братьевъ, друзей, союзниковъ, гражданъ — общество равное. Общество-же отца и дѣтей, господина и раба, царя и подданныхъ, Бога и людей, все это — общество неравное.

Есть кромѣ того право отдѣльнаго человѣка.

Право отдѣльной личности, индивидуума, есть нравственное качество человѣка для справедливаго владѣнія чѣмъ-нибудь или справедливаго совершенія чего-нибудь. Когда это нравственное качество достигаетъ совершенства, я называю его властью — *facultas*, когда-же оно несовершенно — возможностью — *aptitudo*. Это то-же самое, что въ мѣрѣ физическомъ обозначается словами: *дѣйствіе* — *actus* и *сила* — *potentia*.

Facultas, власть юриконсульты обозначаютъ выраженіемъ «свой». Напр., воздавать каждому «свое» — *suum cuique tribuere*. Мы-же назовемъ ее *правомъ въ собственномъ смыслѣ*.

Оно охватываетъ власть надъ самимъ собою. Тогда оно называется *свободой*. Власть-же надъ другими бываетъ власть родительская, власть господина, полная власть надъ вещью, или неполная, какъ, напр., право пользованія или usufructъ и т. д.

Facultas бываетъ двухъ родовъ: одна власть заботится о пользѣ частныхъ лицъ, другая, высшая, заботится объ общемъ благѣ. Такъ, царская власть поглощаетъ въ себѣ власть отца и господина. Всякій болѣе обязанъ государству, чѣмъ кредитору.

Aptitudo, — это то, что прилично (*convenable* —

ἀξία) Facultas—объектъ уравнивающей справедливости. Artitudo—справедливости распредѣляющей.

Аристотель говоритъ, что *уравнивающая* (εὐρίετρις) справедливость слѣдуетъ ариметической пропорціи, а *распредѣляющая* — геометрической. Это бываетъ, но не всегда. Справедливости эти скорѣе различаются по предмету, надъ которыми онѣ дѣйствуютъ.

Примѣръ уравнивающей и распредѣляющей справедливости приведенъ въ «Киропедіи» Ксенофонта.

Киръ отдалъ маленькому мальчику чужую тунику, соотвѣтствующую его росту, а другому мальчику большаго роста далъ другую тунику, тоже по его росту и тоже не принадлежавшую тому. Воспитатель Кира, видя это, замѣтилъ, что такое рѣшеніе было-бы правильно, если бы онъ былъ судьей—того, что кому лучше соотвѣтствуетъ, но такъ какъ онъ долженъ былъ рѣшить вопросъ, кому принадлежитъ туника, то ему слѣдовало разсмотрѣть: кто законно ею владѣетъ, кто ее слѣлалъ или купилъ, кто похитилъ ее насильно и т. д.

У Моисея по этому поводу сказано: «Судья не долженъ увлекаться состраданіемъ къ бѣдному» (Исходъ XXIII. 3, Левитъ XIX. 15). Филонъ говоритъ: «Надо отдѣлять самое дѣло отъ всякихъ другихъ соображеній».

Третье значеніе слова права—*законъ* въ обширномъ смыслѣ. Этотъ законъ есть моральное правило, обязывающее къ тому, что честно.

Есть право естественное и право человѣческое Ius naturale и ius voluntarium (которое называется

«право законное» — *δίκαιον νομικόν*). То-же у евреевъ *Mizvoth* и *Kbukkim* (см. Маймонида—«Учитель сомнѣвающихся»).

Естественное право, это—правило, диктуемое здравымъ разумомъ, т. е. природой. Но оно касается не только вещей, лежащихъ внѣ воли человѣка. Собственность была введена волей людей, но съ момента ея установленія, уже естественное право подсказываетъ мнѣ воздерживаться отъ ея нарушенія.

Богъ устроилъ природу извѣстнымъ образомъ и естественное право заключается въ природѣ. Естественное право настолько прочно, что оно не можетъ измѣниться, пока Богъ не измѣнитъ природы.

Естественное право зависитъ иногда отъ времени Когда не было собственности, то общее пользованіе было естественнымъ правомъ.

Гезіодъ говоритъ: «Законъ данъ великимъ Юпитеромъ человѣческому роду. Дикіе звѣри, рыбы, птицы, всѣ дѣлаются добычей другъ друга. Между ними нѣтъ права. Справедливость, самое лучшее, что только есть на свѣтѣ, стало нашимъ удѣломъ.

Цицеронъ пишетъ въ Первой книгѣ своего трактата «объ обязанностяхъ»:

«Мы не говоримъ, что существуетъ справедливость для лошадей, справедливость для львовъ и т. д.

Плутархъ въ жизнеописаніи Катона Старшаго говоритъ:

«Мы пользуемся законами и справедливостью только по отношенію къ людямъ».

«Мы замѣчаемъ,—говоритъ Лактанцій,—что во всѣхъ живыхъ существахъ, лишенныхъ разума, природа сама заботится о себѣ. Они вредятъ другимъ, чтобъ доставить себѣ блага. Они не сознаютъ, что наносить вредъ, это—зло. Но человекъ, владѣющій знаніемъ добра и зла, воздерживается отъ нанесенія вреда другимъ, хотя-бы отъ того была для него польза».

Зачатки справедливости замѣтны, впрочемъ, у животныхъ, но это не измѣняетъ основы права.

Если и приписываютъ животнымъ нѣкоторое знаніе справедливости, то это только потому, что въ нихъ иногда замѣчаютъ кой-какую тѣнь разума.

Плینیи, напр., замѣтилъ словно предчувствіе справедливости въ слонахъ (кн. VIII, гл. V).

Однако, свойственны-ли поступки, согласныя съ естественнымъ правомъ, людямъ наравнѣ съ животными (напр., воспитаніе дѣтей) или нѣтъ, не имѣетъ никакого вліянія на самую природу права.

Доказательства бываютъ: 1) доказательства *a priori* и 2) доказательства *a posteriori*. Первые — болѣе отвлеченныя, вторыя—болѣе доступныя. *A priori* —доказываютъ, что предметъ соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ природѣ разума и общества; *a posteriori*—что предметъ относится къ естественному праву, такъ какъ болышинство народовъ считаютъ его таковымъ. «Общій голосъ—лучшій критерій истины» — Δόλον τὸν ζῶνόν κριτήριον (Гераклитъ). Того-же мнѣнія держатся Аристотель, Цицеронъ, Сенека, Квинтилианъ. — Надо, впрочемъ, исключить изъ общаго голоса ди-

кіе и жестокіе народы (Шорфирій). Неизмѣннымъ естественнымъ правомъ мы должны называть такое право, которое кажется справедливымъ людямъ съ здоровымъ разумомъ. Если люди больные думаютъ иначе, это не вредитъ праву. Кто утверждаетъ, что медъ сладокъ, говоритъ правду, хотя-бы больные не находили этого.

Аристотель говоритъ, что человѣкъ—по природѣ животное ласковое (*ἡμῶν ζῶον Πολ. I V*) Плутархъ пишетъ, что человѣкъ дѣлается дурнымъ и свирѣпымъ, пріобрѣтая дурныя привычки, противныя природѣ.

Чтобы судить о томъ, что естественно, надо наблюдать природу, а не извращенія (*μη ἐν τοῖς διεφθαρμένοις*—Аристотель).

Право человѣческое, — *ius voluntarium*, — созданное волей человѣка, бываетъ право свѣтское и право духовное—*ius humanum et ius divinum*.

Право свѣтское (*humanum*) есть право гражданское (государственное)—*ius civile*, вытекающее изъ государственной власти.

Государство есть наисовершенное общеніе свободныхъ людей для общей пользы подъ защитой законовъ.

(*Est enim civitas coetus perfectus liberorum hominum iuris fruendi et communis utilitatis causa sociatus*).

Власть отца, хозяина и т. п. меньше власти гражданской.

Болѣе обширное право—право народовъ—*ius gentium*—обязательное для многихъ націй. Существованіе права народовъ, *ius gentium*—доказы-

вается постояннымъ пользованіемъ имъ и свидѣтельствомъ тѣхъ, кто въ немъ свѣдуши.

Право духовное—*ius divinum*—происходитъ отъ воли Божества. Приказанія Бога тѣмъ самымъ справедливы. О нихъ можно сказать, какъ говоритъ Плутархъ, что Богъ не потому приказываетъ что-либо, что оно справедливо, а вещь потому справедлива, что ее приказываетъ Богъ. Это духовное право было дано людямъ или одному народу три раза: первый разъ — сейчасъ-же по созданіи человѣка; второй — по возобновленіи человечества послѣ потопа и третий разъ — по грандіозномъ возрожденіи человечества посредствомъ смерти Христа.

Изъ всѣхъ народовъ существуетъ только одинъ котораго Богъ удостоилъ особыми законами — это — народъ еврейскій.

Моисей обращается къ евреямъ и говоритъ (Второзак. IV. 7.):

«Существуетъ-ли столь могущественный народъ, которому его боги были бы болѣе благоприятны, чѣмъ нашъ Господь по отношенію къ мольбамъ, обращаемымъ къ Нему нами! Существуетъ-ли народъ столь могущественный, который имѣлъ-бы законы справедливѣе тѣхъ, что я теперь вамъ даю!»

«Богъ обнаружилъ свою волю Іакову, свои учрежденія и законы — Израилю. Онъ не поступилъ такъ въ отношеніи ни къ одному народу; никакой народъ не зналъ этихъ законовъ» (Псалмы. CXLVII).

На этомъ основаніи полагали нѣкоторые евреи, —

чужеземцы (не евреи), чтобы спастись, должны подчиниться еврейскому закону.

Но ни у пророковъ, ни въ Талмудѣ нѣтъ ничего такого. Моисей, сынъ Маймона говоритъ о «добродѣтельныхъ людяхъ другихъ націй», какъ они называются въ Талмудѣ (См. титулъ «О царѣ» и титулъ «О синедрионѣ»).—Они, по его мнѣнію, хотя и необрѣзанные, и даже язычники, будутъ все-таки имѣть свою долю въ благахъ будущей жизни [Комментаріи ad Misnaioth].

Въ общемъ законы еврейскіе обязательны для христіанъ. Съ приходомъ Христа мы не освободились отъ закона Моисея, хотя мы и чужды еврейской націи. То, что предписано въ еврейскомъ законѣ, не противорѣчитъ естественному праву. Естественное право, какъ мы уже сказали, вѣчно и неизмѣнно. Невозможно, чтобы Богъ, который никогда не бываетъ несправедливъ, могъ предписать что-нибудь, противное этому праву. Прибавьте къ этому еще, что законъ Моисея названъ *чистымъ* и *прямымъ* (Псаломъ XIX; Vulg. XVIII. 8) и что апостоль Навель величаетъ его словомъ: «святой, справедливый, добрый» (Римл. VII. 12).

Однако, то, что въ законѣ еврейскомъ не касается естественнаго права, не можетъ насъ обязывать, потому что всякое обязательство вытекаетъ изъ воли обязавшагося. А помимо нашей воли мы не видимъ ни малѣйшаго указанія въ Священномъ Писаніи, чтобы Богъ подчинилъ этому закону другіе народы, кромѣ евреевъ. Такимъ образомъ обрѣзаніе не можетъ быть для

насть обязательно. Его можно замѣнить благочестивыми поступками (Св. Павелъ). Но древніе законы о субботнемъ днѣ и о десятинѣ показываютъ, что и для христіанъ особенно обязательно посвящать Богу не менѣе седьмой части всего своего времени и платить духовенству не менѣе десятой части своихъ плодовъ и доходовъ. Таково мнѣніе Иренея и Златоуста.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Бываетъ-ли справедливая война?

Можно-ли иногда разрѣшить войну?

Цицеронъ говоритъ со словъ стоиковъ, что существуютъ принципы первобытные, первые по природѣ, и посредственные, вторые, которые, однако, надо предпочитать первымъ. (*πρώτα κατὰ φύσιν*).

Первые принципы, это—возникающіе у всякаго животнаго съ момента его рожденія—самосохраненіе. Первый долгъ — сохранять себя въ положеніи, какое указала намъ природа. Вторые принципы, знаніе соотвѣтствія чего-либо съ здравымъ разумомъ, который выше тѣла. Вторые принципы поэтому важнѣе первыхъ.

Первые принципы не противорѣчатъ воинѣ (*inter prima naturae nihil est, quod bello repugnet*), такъ какъ цѣль войны—сохраненіе жизни, тѣла, имущества и т. д.

Во всей природѣ мы видимъ борьбу и самозащиту. «Всѣ виды животныхъ,—говоритъ Ксенофонтъ,—имѣютъ свой способъ бороться, которому научила ихъ сама природа». «Всѣ живот-

ныя, — читаемъ мы въ одной поэмѣ, — предчувствуютъ своего врага и способы борьбы съ нимъ. Они знаютъ силу своихъ орудій защиты и умѣютъ ими пользоваться». Гораціи сказалъ: «Волкъ нападаетъ своими зубами, быкъ рогами. Кто научилъ ихъ этому? Одинъ только инстинктъ!» Лукрецій идетъ еще дальше. — «Всякое животное, — говоритъ онъ, — имѣетъ предчувствіе способовъ борьбы. Молодой бычекъ бросается лбомъ впередъ, словно предчувствуя рога». То же говоритъ и Галенъ — «Жеребенокъ бьетъ своимъ нѣжнымъ копытомъ, маленькій щенокъ старается укунить еще неокрѣпшими зубами».

Человѣкъ — животное, рожденное для мира и для войны. У него нѣтъ никакого естественнаго оружія, кромѣ рукъ (Галенъ, Аристотель).

Разумъ-же и природа общества не запрещаютъ вовсе всякое употребленіе силы, а запрещаютъ только такое насиліе, которое нарушаетъ чье-либо право.

Цицеронъ говоритъ:

«Если-бы каждый изъ органовъ нашего тѣла имѣлъ способность мыслить и если бъ онъ старался отнять въ свою пользу здоровье сосѣдняго органа, все тѣло пострадало-бы отъ этого и неминуемо погибло. То-же самое, если каждый изъ насъ захватилъ-бы блага, принадлежащія другимъ, въ свою личную пользу, общество людей, жизнь въ общежитіи была-бы непременно разрушена. Конечно, пріятнѣе видѣть у себя вещи, необходимыя для поддержанія жизни, чѣмъ видѣть ихъ у другихъ, но природа никогда не до-

пустить, чтобы мы увеличивали наше имущество, наши богатства тѣмъ, что отнято у другихъ».

Споръ можно разрѣшить или убѣжденіемъ, или силой. Употребленіе силы не должно считаться несправедливымъ, если оно не нарушаетъ ничьихъ правъ. Но надо къ силѣ обращаться только въ крайности.

Овидій говоритъ: «Можно взяться за оружіе противъ вооруженныхъ». — Богъ далъ евреямъ правила, какъ вести войну, показавъ этимъ, что война можетъ быть справедлива.

Если на насъ нападаютъ измѣной или открытою силой или мы попали къ разбойникамъ, то всѣ пути къ спасенію хороши.

Авраамъ вооружился противъ четырехъ царей. Моисей приказалъ воспротивиться оружіемъ Амаleckитянамъ.

Иосифъ пишетъ:

«Всѣ хотятъ жить. Это—законъ природы, царствующій надъ всѣми живыми существами. Вотъ почему мы смотримъ, какъ на враговъ, на всѣхъ, кто посягаютъ на нашу жизнь».

Изъ всего этого, кажется, достаточно ясно, что естественное право не отрицаетъ всѣ роды войны.

Что касается права человѣческаго, свѣтскаго—*ius voluntarium humanum*—то, какъ мы видимъ изъ исторіи, законовъ и обычаевъ всѣхъ народовъ, это право тоже не осуждаетъ войны.

Это не подлежитъ сомнѣнію.

Болѣе труденъ вопросъ въ правѣ человѣческомъ, духовномъ—*ius voluntarium divinum*.

Противъ войны приводятъ обыкновенно законъ, данный Богомъ Ною и его потомству.

Богъ говоритъ (Бытiе IX, 5, 6):

«Я потребую вашу кровь, т. е. кровь вашихъ душъ, я потребую ее отъ всякаго животнаго, я потребую также душу человѣка изъ рукъ другого человѣка, такъ какъ человѣкъ—братъ человеку. Кто прольетъ кровь человѣка, да пролется и его кровь, потому что Богъ создалъ человѣка по Своему подобiю».

Далѣе сказано:

«Не убii!»

Но все это не уничтожаетъ ни смертной казни, ни войны.

Тутъ, по моему, вопросъ права. Каждый долженъ отвѣчать за свои преступленiя. Во всѣ времена убiiца былъ внѣ закона. Его можно было убить.

Законъ «Радаманта» гласитъ: «Справедливо, чтобы всякiй терпѣлъ то, что изъ-за него терпѣли другiе».

По поводу убiiства въ «Кн. Чиселъ» (XXXV, 31, 33) сказано, что земля не можетъ очиститься иначе, какъ пролитiемъ крови убiiцы.

Древнее право Атики и римскiя «Двѣнадцать таблицъ» похожи въ этомъ отношенiи на законы Моисея.

Право войны не было вполне уничтожено и закономъ Христа. Павелъ говоритъ: «Я раньше всего приглашаю васъ обращать свои молитвы, просьбы, благочестивые поступки за всѣхъ людей, за царей и за всѣхъ, кто возвеличены въ своемъ

достоинствѣ, для того, чтобы мы все могли проводить спокойную и мирную жизнь со всякимъ благочестіемъ и честностью. Богу Нашему Спасителю пріятно, чтобы все люди спаслись и достигли истины».

Изъ этихъ словъ мы узнаемъ три вещи: во-первыхъ, что Богу пріятно, чтобы цари сдѣлались христіанами, во-вторыхъ, чтобы, сдѣлавшись христіанами, они остались царями,—эта мысль высказана также Юстиномъ Мученикомъ: «Мы просимъ у Бога, чтобы цари и правители обладали здоровьемъ души, соединенной съ царской властью». Наконецъ, третья вещь, которую мы узнаемъ изъ словъ Павла—это то, что Богу пріятно, чтобы христіанскіе цари доставляли другимъ христіанамъ спокойную жизнь (*Constitutiones Clementis*).

Но какъ ее доставить?

Павель (Rom.) объясняетъ: «Царь—служитель Бога для твоего блага. Тrepещи, если совершилъ зло. Не даромъ онъ носить мечъ и, какъ служитель Бога, онъ мститъ за зло!»

Павель приглашалъ Нерона и царя Агриппу принять христіанство. Значитъ, они могли при этомъ сохранить свою власть.

Иоаннъ Креститель не приказалъ солдатамъ покинуть службу.

Христосъ самъ говоритъ, что не пришелъ разрушить законъ, а подтвердить его.

Апостоль Павелъ для защиты противъ евреевъ воспользовался солдатами трибуна.

Въ Апокалипсисѣ предсказаны войны нѣкоторыхъ очень благочестивыхъ людей.

Правда, Исаія говоритъ, что народы когда-нибудь перекуютъ мечи въ плуги.

Но это надо понимать условно, т. е. «таково будетъ положеніе міра, если всѣ вполнѣ проникнутся христіанствомъ».

Христось сказалъ: «Васъ учили—«око за око, зубъ за зубъ», а я говорю вамъ «не сопротивляйтесь тому, кто съ вами дурно обращается (по-еврейски «злomu» или согласно съ греческимъ переводомъ «тому, кто дѣлаетъ вамъ несправедливость»). Но если кто-либо ударитъ васъ въ правую щеку, подставьте ему и другую». Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что не слѣдуетъ сопротивляться никакой обидѣ, и не должно быть ни публичной, ни частной мести. Однако, смыслъ этихъ словъ Христа совсѣмъ не такой. Христось обращается въ данномъ случаѣ не къ правителямъ, а къ тому, кто потерпѣлъ обиду. Онъ не говоритъ о всякой обидѣ вообще, а только объ ударѣ по щекѣ и т. п. Послѣднія слова уничтожаютъ обобщеніе.

«Если кто хочетъ,—говоритъ онъ далѣе,—судиться съ вами, чтобъ отнять у васъ туніку, отдайте ему ее». Здѣсь также нѣтъ общаго запрещенія судиться. Было-бы нелѣпо предположить, что отцу или даже опекуну запрещено защищать судомъ въ случаѣ нужды хлѣбъ своихъ дѣтей или опекаемыхъ. Одно дѣло—туніка или плащъ, и другое дѣло—цѣлое состояніе, доставляющее средства къ жизни.

«Если кто—читаемъ мы еще—проситъ тебя пройти съ нимъ версту, пройди двѣ». Спаситель не говоритъ—сто верстъ.

Это значить другими словами: Въ вещахъ, которыя насъ не очень обезпокоиваютъ, мы не должны доводить нашего права до крайности, но уступать даже болѣе того, что насъ просятъ, чтобъ наше терпѣніе и наша доброта были извѣстны всѣмъ.

«Дайте тому, кто просить». Но нельзя дѣлать этого до безконечности, такъ какъ тогда ничего не останется прочнаго. Кто не заботится о своемъ домѣ,—хуже всякаго невѣрнаго.

У Матѳея сказано: «Вы слышали:—Люби ближняго своего и ненавидь врага.—А я говорю вамъ: Люби врага своего, благословляй того, кто тебя проклиняетъ, молись за тѣхъ, кто относится къ тебѣ враждебно и тебя преслѣдуетъ».

Многіе думаютъ, что такая любовь несовмѣстима съ войной и смертною казнью.

Но это не вѣрно. Въ законѣ сказано: «Люби ближняго». Ближній—это еврей (кн. Левитъ. XIX. 17), а также чужеземецъ (кн. Левитъ. XIX. 18). вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ разрѣшено правителямъ наказывать смертью убійцъ и другихъ большихъ преступниковъ. Если-же подъ словомъ «ближній» подразумѣвать «всѣхъ», то мы получимъ различіе евангельскаго ученія отъ Ветхаго Завета. Но если даже предполагать, что Христось думалъ о болѣшей степени любви, то и тогда надо признать, что не всѣ люди должны быть одинаково любимы.

Несомнѣнно, надо больше любить своего отца, чѣмъ ближняго. Также пользу невиннаго надо предпочитать пользѣ виновнаго, интересы, общіе частнымъ.

Всѣмъ извѣстна старинная аксіома: «Оди-
ново жестоко прощать всѣмъ, какъ и никому не
прощать».

Сказано: «Не мсти, помогай врагу и т. д.»,
но и тутъ надо отличать месть личную отъ мести
въ общемъ интересѣ.

Войны происходятъ изъ-за страстей тѣла,
такъ какъ страсти стремятся къ обладанію цѣн-
ностями.

«Откуда происходятъ ваши войны и сраженія?—
говоритъ Іаковъ.—Страсти ваши борются въ ва-
шемъ тѣлѣ. Вы полны желаній, и у васъ нѣтъ
того, чего вы хотите, вы завистливы и вы не мо-
жете удовлетворить свою зависть. Вы воюете другъ
съ другомъ, и у васъ все-таки нѣтъ того, чего
вы желаете, потому что вы не просите. Вы про-
сите, но просите плохо, только чтобъ удовлетво-
рить свои страсти».

У Клемента (Constitutiones, вѣроятно въ концѣ
II-го вѣка) мы читаемъ, что не всякое убійство
запрещено, а только убійство невиннаго. Но и
виновнаго могутъ убить только правители.

При римскихъ императорахъ въ войскахъ рим-
лянъ было очень много христіанъ.

Амврозій (при Θεодосіи) говоритъ, что не
грѣхъ носить оружіе, а грѣхъ воевать изъ-за
добычи.

«Отдайте кесарево кесарю, а Божье Богу»,—
говоритъ Христосъ. Изъ этихъ словъ видно, что
Онъ не былъ противъ войны.

Когда Юліанъ говорилъ своимъ солдатамъ-
христіанамъ: «беритесь за оружіе въ защиту об-

щаго блага», они брались за оружіе; когда-же онъ говорилъ: «Идите на христіанъ!» они его не слушались, признавая Бога владыкой.

Василій говоритъ о древнихъ христіанахъ: «Наши предки не считали убійствомъ убійство на войнѣ, потому что они прощали тѣхъ, кто сражался за добродѣтель и благочестіе».

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Война публичная и частная. Суверенитетъ.

Война бываетъ частная, публичная и смѣшанная.

Римскіе законы называютъ *насиліемъ*, когда частное лицо желаетъ возратить себѣ должное безъ помощи судьи. Но иногда нельзя ожидать безъ опасности помощи отъ судьи, или когда находишься въ морѣ, въ пустынѣ или на необитаемомъ островѣ, или когда судья отказывается въ правосудіи, или граждане отказываются его слушать.

Евангеліе приказываетъ намъ любить ближняго, какъ себя, но не предпочитать его себѣ. Когда намъ грозитъ опасность, то намъ не запрещено заботиться о своемъ спасеніи болѣе, чѣмъ о чужомъ.

Публичная общая война бываетъ торжественная, законная «по *ius gentium*» или не законная. Для того, чтобы война была законная (*solenne*), по *ius gentium* требуется: 1) чтобы воюющія стороны были облечены суверенной властью, 2) чтобы

были при войнѣ соблюдены извѣстные формальности.

Вести войну безъ разрѣшенія суверена есть преступленіе противъ Величества.

Духовная способность управлять государствомъ есть государственная власть. По Эукидиду она состоитъ изъ трехъ вещей: «изъ изданія законовъ, отправленія правосудія и назначенія чиновниковъ»; по Аристотелю «изъ разсмотрѣнія общихъ дѣлъ, выбора чиновниковъ и отправленія правосудія»; по Денису Галикарнасскому—изъ «выбора чиновниковъ, законодательства съ отмѣной законовъ, объявленія войны и мира, изъ права судить и права созывать народное собраніе».

Власть бываетъ суверенная, когда она ни отъ кого не зависитъ. Общій субъектъ зрѣнія есть все тѣло, а специальный—глазь. Такъ общій субъектъ суверенной власти есть государство, которое мы опредѣлили, какъ совершеннѣйшій союзъ.

Общимъ субъектомъ суверенной власти въ государствахъ не могутъ считаться, однако, народы, подчиненные другимъ. Но въ тѣлѣ одна голова не можетъ служить двумъ тѣламъ, одно-же лицо можетъ быть главою двухъ самостоятельныхъ государствъ.

Общій субъектъ суверенной власти есть государство, частный—лицо единичное или коллективное.

Нѣкоторые полагаютъ, что суверенитетъ находится всюду, въ самомъ народѣ.

Это не вѣрно. Противъ этого надо возразить.

I. Народъ можетъ выбрать форму правленія, которая ему больше нравится, и такимъ образомъ передать другому свою власть.

При большой опасности или голодѣ народъ часто отказывается отъ суверенитета. Кампаньи сами подчинились Риму.

Бываетъ также, что отецъ семейства, обладая обширными землями, не желаетъ никого пускать на нихъ, пока люди не признаютъ его власти. Съ другой стороны владѣлецъ многихъ рабовъ отпускаетъ ихъ на волю подъ условіемъ, чтобъ они признавали его авторитетъ и платили ему цenzъ.

Признавшіе чужую власть не могутъ считаться субъектами суверенитета.

Аристотель даже говоритъ: существуютъ природныя рабы, которые не могутъ самодѣлать—они умѣютъ лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать.

Когда-же мы приглядываемся къ устройству государствъ, то мы видимъ, что нѣтъ такого народовластія, гдѣ-бы изъ народнаго собранія не исключались нѣкоторые: обдѣяки, иностранцы, женщины и юноши.

Но и помимо этого много есть народовъ, властвующихъ надъ другими. Могутъ-ли подвластные быть суверенами?

Все это должно быть уничтожено, если мы согласимся съ тѣмъ, что право управлять подчинено всегда волѣ тѣхъ, къ которымъ управляютъ.

II. Существуютъ цари, независимые отъ воли народа. Царь въ Библии называется «Помазанникъ надъ народомъ, надъ наслѣдіемъ Господа, надъ Израилемъ». Сенека говоритъ: «надо бояться то

народъ, то выдающихся гражданъ при сенатѣ, то одного, кому власть дана надъ народомъ. Власть царя,—дѣлать все, не отдавая никому отчета. Лакедемонскіе цари послѣ учрежденія «Эфоровъ» были только цари по имени (Полибій). Диктаторы тоже цари, и они не были подчинены народу.

Если власть и принадлежала народу, когда ее передавали царю, то при царѣ повиновение уже необходимо. Жена можетъ выбрать мужа, но, разъ выбравъ, должна ему повиноваться всегда. Валентиніанъ сказалъ солдатамъ: «Вы могли меня не выбрать, но разъ выбрали, ваше дѣло повиноваться, а не вмѣшиваться въ управленіе».

Но не всѣ цари выбраны народомъ.

III. Говорятъ, что всякая власть учреждается для выгоды управляемыхъ, а не тѣхъ, кто властвуютъ. Поэтому управляемые выше властвующихъ.

Но это не вѣрно.

Правительство часто учреждается вовсе не въ интересѣ управляемаго, а въ интересѣ властвующаго, какъ, напр., власть господина надъ рабомъ, или въ общемъ интересѣ, какъ власть мужа надъ женою. «Вы должны терпѣть роскошь и скудость, и пороки вашихъ правителей, какъ другіе бичи природы. Будутъ пороки, пока будутъ люди (Тацитъ)!»

IV. Говорятъ, существуетъ взаимная обязанность между царемъ и подданными. Подданные повинуются, пока царь хорошо управляетъ. Въ противномъ случаѣ онъ зависитъ отъ народа.

Но отсюда произойдетъ крайній беспорядокъ—

царь и народъ будутъ всегда спорить изъ-за каждаго акта.

Есть страны, въ которыхъ собранія народа контролируютъ акты царя и даже предписываютъ законы, которымъ правитель долженъ подчиняться. Но тогда суверенитетъ принадлежитъ имъ, а не царю.

Выборность или наследственность царей не играетъ роли, такъ какъ власть всюду остается та-же.

V. Большинство царей, наследственныхъ и выборныхъ, пользуется властью на правѣ пользованія—узуфрукта. Но существуютъ и такіе цари, которые пользуются властью на правѣ собственности—именно тѣ, кто завоевали свою власть въ справедливой войнѣ или при комъ одинъ народъ подчинился всецѣло другому.

Говорятъ, свободный человѣкъ не можетъ быть въ чьей-либо собственности. Но свобода личная не то-же, что свобода гражданская. Тацитъ говоритъ: «Свобода германцевъ была суровѣе, чѣмъ царская власть Арзаса».

Когда народъ подчиняется, это не значитъ, что сами граждане, люди переходятъ въ собственность царя, а только отчуждается на всегда право управлять.

Никомедъ, царь Вифиніи, умирая, оставилъ свою власть римлянамъ въ наследство.

Правда, въ государствахъ, гдѣ власть получена царемъ по волѣ народа, не слѣдуетъ предполагать, чтобы народъ желалъ разрѣшить царю отчуждать свою власть.

Суверенитетъ единъ и недѣлимъ. Но случается, что власть бываетъ у двухъ, даже трехъ царей. Такъ было одно время въ Римѣ.

Суверенитетъ не прекращается, когда правитель обязывается чѣмъ-нибудь гражданамъ или Богу. Мужъ тоже не лишается своей власти, общавъ что-нибудь женѣ.

Между полной монархіей, абсолютной, какъ говоритъ Аристотель, и монархіей Лакедемона, которая есть только военное главенство, существуютъ среднія формы. Такой средней формой можно считать еврейское царство. Еврейскихъ царей нельзя назвать ограниченными. Они правили самовластно. Между тѣмъ ихъ бичевали, если они поступали противъ закона.

Квинтъ-Курцій говоритъ: «Македоняне жили подъ монархической властью, но пользовались большей свободой, чѣмъ другія націи».

Можетъ-ли суверенитетъ принадлежать союзнику, у кого нѣтъ гегемоніи? Глава союза не есть суверень. Гегемонія не уничтожаетъ ни чьей свободы.

Надо отличать право отъ пользованія имъ. Правитель сумасшедшій, инфантильный, ребенокъ имѣютъ право верховной власти, но не могутъ имъ пользоваться. Тогда должны быть назначены регенты и вице-короли.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Война частныхъ лигъ противъ правителей.

Частныя лица могутъ воевать съ частными лицами, какъ, напр., путешественникъ съ раз-

бойникомъ на дорогѣ; суверены — противъ сувереновъ; частныя лица могутъ воевать противъ сувереновъ, но только противъ тѣхъ, которымъ они не подчинены.

Спрашивается, могутъ-ли частныя лица воевать съ тѣми, кому они подчинены.

Если суверень приказываетъ что-либо противъ Естественнаго Права или велѣнія Бога, то не слѣдуетъ исполнять его приказаній.

Конечно, право самозащиты должно быть крайне ограничено въ пользу государства, иначе не было-бы государства. Этимъ объясняется, почему суверенитетъ такъ защищенъ законами, за нарушение его правъ всюду смертная казнь.

«Противиться власти, значить противиться учрежденію Бога»,—говоритъ Павелъ.

«Еслибъ не было правителей, мы-бы жили хуже, чѣмъ дикіе звѣри»,—говоритъ Златоустъ.

Жизнь государственная удобнѣе и спокойнѣе.

Надо всегда повиноваться царю.

Тѣмъ не менѣе нельзя отнять у народа или части народа права защищаться отъ крайней жестокости. Слѣдуетъ, впрочемъ, щадить личность короля.

Нельзя клеветать на него, или поднять на него руку.

Итакъ, законно нельзя противиться тѣмъ, у кого верховная власть.

Но существуютъ слѣдующія исключенія:

1) Когда король или правитель самъ, очевидно, отказался отъ власти, противъ него дозволено

предпринять все, что противъ частнаго лица (Генрихъ III, царь польскій, узнавъ о смерти брата Карла IX въ 1574 г., тайно ушелъ изъ Кракова въ Парижъ. Этимъ онъ явно отказался отъ власти).

2) Когда король отчуждаетъ свое царство или подчиняетъ другому, онъ лишенъ власти.

3) Когда король дѣйствуетъ враждебно своему государству.

4) Когда король падаетъ изъ-за предательства.

5) Если королю принадлежитъ часть власти, а другая—народу или сенату и когда король хочетъ присвоить эту часть.

6) Если при передачѣ власти были оговорены случаи, когда можно сопротивляться королю.

Акты верховной власти того, кто захватилъ власть (узурпатора), должны имѣть силу, пока власть въ его рукахъ.

Акты-же, менѣе важныя, только способствующіе утверженію узурпации, можно не соблюдать, если нѣтъ большой опасности. Но это вопросъ—можно-ли убить такого узурпатора.

Тертуліанъ говоритъ: «противъ преступниковъ величества и публичныхъ враговъ всякій человѣкъ—солдатъ!»

Я думаю, это справедливо, если есть до узурпации законъ противъ каждаго узурпатора.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Кто ведетъ справедливую войну?

Оказать услугу ближнему, поскольку это въ нашей власти, не только позволительно, но и честно. Тѣ, кто писали объ обязанностяхъ людей, говорятъ вполне справедливо, что нѣтъ ничего полезнѣе для человѣка, чѣмъ другой человѣкъ. Люди соединены между собою различными связями, которыя побуждаютъ ихъ къ взаимной помощи. Члены одной семьи поддерживаютъ другъ друга. Мы зовемъ на помощь своихъ сосѣдей и гражданъ нашего отечества. Аристотель сказалъ, что всякій человѣкъ долженъ браться за оружіе въ защиту себя, если онъ потерпѣлъ обиду, или своихъ родителей, или своихъ благодѣтелей, долженъ идти на помощь тѣмъ, съ кѣмъ онъ живетъ въ общеніи, если кто дѣлается жертвой несправедливости. Солонъ также училъ, что счастливы будутъ государства, въ которыхъ всякій гражданинъ будетъ принимать на свой счетъ обиду, нанесенную его ближнему.

Но даже и помимо этихъ связей, человѣку не чуждо ничто человѣческое. Марціалъ говорить: «Если-бы мы считали всякую несправедливость, причиненную другимъ, нашей личной обидой, и мстили бы за нее, наглость злыхъ не подавляла-бы невинности. За злыми всѣ-бы слѣдили и, будучи принуждаемы къ заслуженной карѣ, злые уничтожились-бы совсѣмъ или по крайней мѣрѣ число ихъ уменьшилось-бы». По словамъ

Демокрита надо защищать всѣхъ обиженныхъ, такъ какъ это справедливо и хорошо». Лактанцій говоритъ: «Богъ не далъ мудрости животнымъ, но онъ далъ имъ способы защиты въ случаѣ нападенія. Человѣка Онъ создалъ нагимъ и хрупкимъ. Но онъ далъ ему мудрость и чувство расположенія, которое побуждаетъ людей любить, защищать другъ друга, помогать другъ другу въ опасности».

Вторая и третья книги «Права войны и мира» трактуютъ исключительно о войнѣ и имѣютъ значеніе только для науки международнаго права.

№ 11812

Областная
библиотека им. Гоголя
Фундаментальное
отделение

„Полезная Библиотека“

Цена каждой книги 50 к.

Драгоценные камни. Составилъ *Ив. Святскій*. 184 стран. (съ 38 рисунками).

Электричество въ домашнемъ быту. Руководст. для любителей электротехники. Состав. *Н. Н. Довятовскій*. 194 стран. (съ 177 рисунками).

Пѣвчія птицы (Ловля, содерж. въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. *Ив. Святскій*. 240 стр. (съ 28 рис.). Изд. 2-е.

Естественная исторія въ разказахъ. Соч. *А. Майльса*, переводъ съ англ. *М. Басанина*. 173 стран.

Рыболовъ-любитель (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общеизвестн. практ. руководст. *Ө. Пескова*. 180 стр. (69 рис.).

Комнатное цвѣтоводство (Руков. для любит.). Сост. *Ө. Медвѣдѣвъ*. 144 стр. (56 рис.).

Спортъ во всё время года. Состав. *Г. Ф—тъ* (Биллиардъ.—Кегли.—Велосипедъ.—Верховая ѣзда.—Плаваніе.—Гребной спортъ.—Устройство «капота».—Лыжи.—Коньки.—Буэръ.—Англійск. подвижн. игры). 200 стр., съ 60 рисунк.

Домашній обиходъ (Сборникъ рецептовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства). Составилъ *Ф. Г.* 184+XIX стр.

Міры дѣйствительн. и воображаемыя. Сочин. *К. Фламариона*. Перев. *И. Святскій*. 192 страницы.

Жизнь земли.—Очерки популярной геологій. Профес. *Ф. Пуше*. Перев. и доп. *Н. Ляминъ*. 164 стран. (съ 30 рис.).

Натуралистъ на Ла-Платѣ. Соч. *У. Хедсона*. Перев. съ 8-го англ. издан. Кн. I. 180 стр. (съ 15 рис.). Кн. II (окончаніе). 200 стран. (съ 11 рис.).

Чудеса растительнаго міра. Состав. *Ө. Медвѣдѣвъ*. 143 стран. (съ 30 рис.).

Жизнь въ морѣ. *К. Келлера*. Перев. *Вл. Шацкого*, подъ ред. проф. *А. М. Никольскаго*. Кн. I.—204 стр. (съ 31 рис.). Кн. II (окончаніе).—188 стр. (съ 20 рис.). Изданіе 2-е, испр. и доп.

Какъ узнать характеръ челоуѣка? Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномонія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія) и по виѣшнему виду головы (френологія). Состав. *Гр. Ф—тъ*, дѣйств. Чл. Граф. Общ. 240 стр. 35 рис. и 50 образ. почер. Изд. 3-е, дополн. и испр.

Подъ водою.—Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. *Л. Фигье*. Пер. подъ ред. и съ дополн. *Гр. Ф—та*. 120 стр. (съ 22 рис.).

Выпущ. изд. Сойкина изъ его книжн. магаз. (СПб., Невскій 96, уг. Надежд.), на сумму не менѣе одного руб., за переос. не платятъ, кромѣ тѣхъ издан., за которыя перес. показана особос.

„Полезная Библиотека“

Цѣна каждой книги 50 к.

Въ дѣбряхъ Азіи. Сост. по соч. генер.-м. Шѣвцова *Н. Н. Соколовъ*. 200 страницъ.

Древніе и новѣйшіе колоссы (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуй, начиная съ древнѣйшихъ временъ). *Е. Лебазейль*. Переводъ съ франц. 224 стран. (съ 33 рисунками).

Чудеса полярнаго міра (Исторія путешеств. Природа. Жизнь и нравы обитателей). *Е. Лебазейль*. 168 стран. (съ 35 рисун.). Изданіе 2-ое.

Южный полюсъ (Исторія и описаніе антарктическихъ путешествій). *В. Фонвизля*. 150 стр. (съ рисунками). Изданіе 2-е.

Вонругъ свѣта на велосипедѣ. *Г. Стивенса*. Кн. I.—Отъ Санъ-Франциско до Тегерана. 184 стр. Кн. II.—Отъ Тегерана до Юкагамы. 172 стран.

Во льдахъ и снѣгахъ (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Соч. *Треворъ-Бетти*, перев. съ англ. *А. Филиппова*. 212 стран., съ 13 рисунк. и картою.

Начало и конецъ міра. III. *Ришара*. Чер. и дополн. *И. Святскій*. 184 страницы.

Современная Турція. Очерки и рассказы о царствѣ Османовъ. *Юрія Казы-Бека*. 116 стран.

Ашуръ (Природа и люди Амурскаго края). Состав. дѣйстви. чл. Импер. Русскаго Географ. Общест. *Ф. Груздевъ (Волгинъ)*. 176 стр. (съ 22 рис. и картой). Изд. 2-е, исправленн. и дополн.

На верблюдахъ. Воспоминан. изъ жизни въ Средней Азіи. Соч. *Н. Урилова*. 188 стран.

Письма изъ Африки. *Гекриха Сенкевича*. Перев. *М. Круковский*. 271 стр. (съ 26 рис.).

Наши родичи (Изъ воспом. о славянск. земляхъ). Очер. и рассказы *В. Желиховской*. 168 стр.

Джонъ-Булль и его колоніи (Очерки изъ путешествій по колоніямъ Англіи). *Мака О'Релля*, перев. съ англійск. *Л. Богдановича*. 148 стран.

Астрономъ-любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. Сост. дѣйстви. чл. Русск. Астроп. Общ. *Е. Предтеченскій*. 200 стр. (25 рис. и черт.).

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. *Г. Парвила*. Перев. подъ редакц. профес. *С. Глазенапа*. 104 стр. (съ 20 рис.).

Микроскопъ и телескопъ. *Зюришъ и Марголл*. Перевелъ и дополн. *И. Святскій*. 140 стр. (съ 42 рисунками).

Выпис. изд. Сойкина изъ его книжн. магаз. (Спб., Невскій 96. уг. Надежд.) на сумму не менѣе одного руб. за перес. на платягъ, кромѣ тѣхъ издан. за которыя перес. показана особо.

